Евангелие как объект научного исследования

Лекция митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени равноапостольных Кирилла и Мефодия, в Московском физико-техническом институте (государственном университете).

Уважаемый Николай Николаевич, дорогие друзья!

Я очень рад возможности посетить Московский физико-технический институт (государственный университет) и выступить перед вами.

Я являюсь председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, как иногда говорят, «министром иностранных дел» Русской Православной Церкви. По совместительству исполняю еще разные должности, в том числе являюсь ректором Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. Это высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, которое было создано по инициативе Святейшего Патриарха Кирилла семь с половиной лет назад, сразу же после того, как он взошел на Патриарший престол. Святейший Патриарх является председателем Наблюдательного совета нашего учебного заведения.

Одной из особенностей этой духовной школы является то, что она ориентирована на стандарты, которые сегодня приняты в российской системе образования. И одним из приоритетных направлений нашей работы является развитие теологии как науки.

В России еще не так давно такой специальности в списке научных специальностей не было вообще. Потом благодаря совместным усилиям не только Русской Православной Церкви, но и других традиционных религий нашей страны эта дисциплина была внесена Министерством образования в реестр научных специальностей. Сейчас мы практически завершили работы по выстраиванию в российской образовательной системе такой научной отрасли, как теология.

Помимо прочих должностей, я, в частности, являюсь заведующим кафедрой теологии в Национальном исследовательском ядерном университете «МИФИ». Когда мы создавали эту кафедру, было очень много вопросов, в прессе писали: что же это за «ядерная теология» будет преподаваться, и вообще, что общего между ядерной физикой и теологией? Оказалось, что общего довольно много, и интерес к нашей кафедре довольно большой. На лекции, которые я

читал студентам МИФИ, приходили по желанию. Собиралось 300-400 студентов, и среди них были не только православные христиане, но и мусульмане, иудеи, а также, скорее всего, люди, не принадлежащие ни к одной из религиозных традиций. По окончании прочитанного мной курса они писали небольшие рефераты, из которых я мог увидеть весьма живую реакцию на то, что я говорил, в том числе и от представителей нехристианских религиозных традиций.

Когда мы говорим о теологии как науке, то позиционируем ее не как проповедь веры или Закон Божий, а именно как научную отрасль. И поскольку я сейчас нахожусь в стенах учебного заведения, где студенты осваивают научные отрасли, я решил рассказать вам о Евангелии как о предмете науки. Я буду обращаться к вам не с проповедью, а с лекцией, посвященной Евангелию как предмету научного изучения.

Прежде всего, что такое Евангелие? Говоря о нем, мы имеем в виду четыре литературных произведения. Священное Писание всех христиан, которое называется Библией, включает в себя раздел – Новый Завет, в котором есть четыре Евангелия: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Те из вас, кто знаком с этими источниками, при чтении, наверное, не раз задавались вопросом: почему, собственно, Евангелий четыре, почему нельзя было сделать из них одно повествование? Ведь если мы прочитываем Евангелия одно за другим, особенно первые три, то обращаем внимание на то, что там очень много идентичного материала: иногда это те же самые сюжеты, одни и те же изречения Иисуса Христа, а порой между различными отрывками наблюдается почти полное текстуальное сходство. Почему нельзя было создать некий единый текст, чтобы в нем присутствовало все то, что не повторяется у других евангелистов?

Церковь не пошла по этому пути. Насколько мы можем судить по сохранившимся литературным источникам, начиная со II века, уже к концу этого столетия канон из четырех Евангелий в Церкви сформировался и имел общецерковный авторитет. Об этом свидетельствует писатель конца II века Ириней Лионский, который написал большой трактат «Против ересей» в пяти книгах. Он пишет, что Евангелий четыре, потому что сторон света четыре, что их не может быть ни больше, ни меньше, и есть некоторые писания, которые называются евангелиями, но они для Церкви не авторитетны.

Эти четыре Евангелия надписаны именами определенных авторов. Причем в рукописной традиции, включающей тысячи древних манускриптов, нет ни одной рукописи, в которой, например, Евангелие от Марка было бы подписано именем Матфея или наоборот. То есть мы имеем устойчивую традицию литературного памятника, зафиксированного во множестве рукописей, которая прослеживается вплоть до II века.

Евангелие – это книга (если говорить о четырех Евангелиях как об одной книге), которая не имеет себе равных по количеству рукописей. Известных на сегодня рукописей Нового Завета, включая четыре Евангелия, – более 5 тысяч. Если говорить о древних источниках, то некоторые из них дошли до нас в одной рукописи, другие – в трех или в пяти, какие-то дошли в пятнадцати.

Конечно, в этих манускриптах есть разночтения. И существует целая наука (она называется библейской критикой), которая занимается сличением рукописей и выявлением различий между ними, выявлением тех, которые, по-видимому, являются наиболее авторитетными. В этой области трудится огромное количество людей по всему миру, которые изучают сохранившиеся рукописи.

Среди пяти с лишним тысяч рукописей, пожалуй, нет двух абсолютно идентичных. Даже если один манускрипт копировался с другого, находятся хотя бы самые мелкие различия. Но иногда различия бывают довольно существенными. Так, например, последняя, шестнадцатая, глава Евангелия от Марка во многих рукописях присутствует только наполовину, как бы обрываясь, а оставшаяся половина отсутствует. Существуют различные гипотезы, куда могла деться эта половина; или, может, изначально этой части текста не было, и кто-то его сочинил? Мест в Евангелии, которые в каких-то рукописях отсутствуют либо по-другому читаются, набирается довольно много. Поэтому над выявлением так называемого критического текста, то есть предполагаемого аутентичного текста Евангелия, трудится большое число людей, целые научно-исследовательские институты.

Отчего же так важно понять, каким был оригинальный текст? Потому что от оригинального текста зависит, собственно, наше понимание того, откуда произошло христианство.

Здесь я хотел бы обратиться к сюжету Евангелий – о ком они написаны и чему посвящены. Несмотря на все различия между четырьмя Евангелиями, читая их, мы обнаруживаем, что речь в этих повествованиях идет об одном и том же человеке: они не создают четыре взаимопротиворечивых образа – наоборот, из Евангелий выстраивается единый и очень цельный образ. Это вызвано тем, что Евангелия являются не просто литературным произведением, но свидетельствами. Церковное Предание говорит, что евангелисты Матфей и Иоанн были апостолами от двенадцати, а евангелисты Марк и Лука, которые не входили в круг ближайших учеников Спасителя, согласно церковному Преданию, отраженному у Иринея Лионского, писали со слов апостола Петра. То есть, не будучи свидетелями описываемых событий, евангелисты Марк и Лука, тем не менее, написали о них со слов ближайшего ученика Иисуса Христа.

Таким образом, мы видим, что повествования во многом идентичны и в чем-то совпадают текстуально, но все-таки это четыре разных свидетельства, из которых три похожи – это Евангелия от Луки, Марка и Матфея, которые в науке называются синоптическими (от греческого

слова, означающего «совместно смотрящие»). Три автора как бы совместно рассматривают один и тот же сюжет, хотя совершенно очевидно, что они работали не в тандеме, а каждый в отдельности. Это доказывается сличением их повествований и тем, что между повествованиями имеются разногласия.

На имеющиеся разногласия часто обращали внимание критики Евангелия как достоверного источника. В советское время существовал так называемый научный атеизм, аргументация которого в значительной степени была построена на том, что в Евангелиях есть противоречия. Например, евангелисты рассказывают об одном и том же случае, когда Иисус Христос исцеляет слепого. У Марка и Луки слепой один, а у Матфея их два. Противоречие. Или другой пример. Все четыре евангелиста рассказывают о том, как Иисус Христос на осле въезжал в Иерусалим. Но у тех евангелистов осел один, а, опять же, у Матфея два – осел и ослица. Естественно, невозможно въехать в Иерусалим сразу на двух ослах – так или иначе, сидеть надо было на одном, но, может быть, рядом с ослицей был осленок.

Существуют различные гипотезы касательно каждого из этих разночтений. Я не буду сейчас в них вдаваться, потому что это заставит нас углубиться в детали, однако хотел бы обратить внимание на то, что все эти разногласия были хорошо известны Церкви. Все древние авторы, например, Ориген, который занимался сличением евангельских текстов в III веке, уже указывали на эти разночтения. При том никому не пришло в голову что-либо изменить в евангельском тексте для того, чтобы «синхронизировать» повествование. Церковь сохранила эти повествования со всеми разночтениями между ними, потому что для нее более всего было важно то, что это свидетельства очевидцев.

Чтобы понять природу имеющихся разночтений, мы должны обратиться к повседневному опыту человека и понять, что такое вообще свидетельства, какова их природа. Если вы становитесь очевидцем какого-нибудь происшествия, например, ДТП, то не можете быть полностью объективным и беспристрастным свидетелем: вы всегда опишете не некую объективную реальность, а то, что увидели. Если у этого происшествия много свидетелей, причем первый стоял на одном углу, второй – на другом, один оглянулся в тот момент, когда столкновение произошло, другой видел, как две машины подъезжали одна к другой, каждый расскажет одну и ту же историю, но по-своему. Более того, в этих рассказах могут быть выявлены разночтения. Один скажет, что из зеленой машины выбежали три человека, двое мужчин и одна женщина, другой будет говорить, что выбежали две женщины и один мужчина, – так это ему запомнилось, так он это увидел. Один, может быть, был близоруким, другой в темных очках; возможно, были сумерки. Есть тысячи обстоятельств, по которым возникают разногласия между свидетелями, но эти разногласия ни на йоту не снижают ценность и достоверность свидетельских показаний именно потому, что люди рассказывают то, что они увидели, то, что запомнили. Тем более, если речь идет не о том, что

человек увидел, но о том, что ему рассказал другой, как в Евангелиях от Марка и Луки, которые написаны не очевидцами, но с их слов.

Ценность четырех Евангелий заключается в том, что это свидетельские показания, которые иногда расходятся в частностях, но никогда не расходятся по существу. И эти евангельские свидетельства раскрывают перед нами единый уникальный образ Иисуса Христа, Который является героем всех четырех евангельских повествований.

Говоря об этом образе, об этом человеке, можно отметить, что существует немало гипотез относительно того, кем Он был. Существуют даже мнения, что, может быть, такого человека и не существовало и это все продукт литературного творчества. Те из вас, кто читал роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», наверняка помнят, как на Патриарших прудах в жаркий вечер сидят два литератора и рассуждают друг с другом. Один говорит, что ему заказали поэму об Иисусе Христе, а другой ему начинает рассказывать, как надо написать эту поэму. Он говорит: «Ты же понимаешь, что не было такого человека, как Иисус Христос. Это литературный персонаж, созданный на основе древних мифов об умирающих и воскресающих богах, и именно это ты должен показать».

Булгаков, который сам был сыном преподавателя духовной семинарии, хорошо знал теории, которые были модны в это время. Одна из теорий, с которой он был хорошо знаком, потому что читал труды ее пропагандистов, – так называемая мифологическая теория происхождения христианства. Согласно ей, никакого Христа не было, это только литературный персонаж, который смоделировали на основе античных мифов, приписали ему различные чудеса, и потом какие-то люди во все это поверили, обожествили Его, и так родилось христианство.

Есть другая – так называемая рационалистическая или гуманистическая – теория прочтения Евангелия. Она получила очень широкое хождение в XIX веке на волне рационализма. Например, эта теория отражена в таком произведении, как «Жизнь Иисуса» Гегеля – известного философа, который включил это произведение в свою «Философию религии». В этом произведении Евангелие пересказано очень обыденным языком, причем из него просто удалено все то, что связано со сверхъестественным, например, чудеса Иисуса Христа, история Его рождения от Девы. Есть история Его распятия, но нет истории воскресения Христова, потому что в это Гегель не верил. Он, как и его коллега Иммануил Кант, был создателем религии только в пределах разума. Они видели в Иисусе Христе исторический персонаж и не могли поверить, что этот человек совершал чудеса и мог воскреснуть, считали, что была просто некая историческая личность, которую потом обожествили ее последователи.

Эта теория существует и по сей день. Есть немало произведений, в том числе научной

литературы, авторы которых стараются доказать, что Иисус Христос был странствующим проповедником, одним из иудейских раввинов, а после смерти его обожествили ученики. Наверное, каждый год, а может, и ежемесячно, появляются все новые и новые «биографии» Иисуса Христа, иногда даже с надписью «революционная биография». Некий автор, якобы поучаствовавший в раскопках, на основании полученных, по его словам, научных данных вдруг раскрывает миру, «кто такой был Иисус»: оказывается, это был еврейский революционер, который хотел свергнуть иго римлян, но у него не получилось, и его распяли, как участников восстания Спартака, а спустя десятилетия или сто лет какие-то люди сочинили про него различные мифы. По мнению автора, якобы так родилось христианство. Такой литературы очень много на полках книжных магазинов на Западе, но и к нам эти книги также проникают в переводах.

Среди имеющихся теорий есть и такая: якобы в основе четырех Евангелий лежал некий первоисточник, который ученые с конца XIX века называют «источником Q» (от немецкого слова Quelle – «источник»). Он, по мнению приверженцев теории, представлял собой сборник изречений Иисуса Христа, которые пользовались популярностью; их переписывали, рукописи передавали из рук в руки, и на основе этих изречений постепенно стала создаваться некая мифология вокруг личности Иисуса Христа. Стали выдумывать разные истории о том, что это был за человек, как он жил, приписали ему разные чудеса, сочинили историю его воскресения. А сам «первоисточник» постепенно исчез, так как был заменен Евангелиями, которые стали более популярными. Существует большое количество ученых, которые не просто верят в существование этого источника, но даже опубликовали его, хотя в природе его никогда не было. Никто не нашел ни одной его рукописи, даже клочка, – «источник Q» просто сочинили ученые на основе отдельных фраз, выбранных из канонических евангельских текстов и апокрифических евангелий.

Ученые сначала создали некую модель того, каким, по их представлениям, должен был быть Иисус. Затем они составили модель того, что Он мог говорить и что в Евангелиях восходило бы к так называемому историческому Иисусу, а что, по их мнению, является плодом позднейшей редакции. Они вообразили себе, что Иисус говорил очень краткими и простыми фразами, например: «блаженны нищие» или «блаженны плачущие», потом взяли евангельский текст и стали из него вычленять короткие фразы, утверждая, что они и есть то, что говорил «исторический Иисус», а в конце I века некий человек, называвший себя Матфеем, для своей церковной общины решил расширить фразы Иисуса и, например, написал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5. 3). По мнению приверженцев этой теории, два слова там принадлежат Иисусу, а все остальное сочинил некий церковный автор. Со всей серьезностью ученые пытаются путем декомпозиции евангельского повествования вычленить «исторического Иисуса» из текста, который говорит о том, как жил и чему учил Иисус Христос.

Буквально на днях в Москве завершился симпозиум, который собрал 70 ученых из разных стран

мира, работающих в области Нового Завета. Некоторые из них рассказывали о теории «источника Q», обосновывая, почему этот источник должен был существовать. Но проблема заключается в том, что этого источника не было – он является выдумкой ученых.

Попытки найти некий «альтернативный образ» Иисуса – не тот, который показан в Евангелиях, – предпринимаются уже на протяжении длительного времени, более 200 лет. Несомненно, они будут предприниматься и дальше. Но проблемой для всех этих ученых является то, что они вынуждены работать с одним и тем же текстом. Есть, конечно, так называемые апокрифические евангелия, но ни одно из них не содержит полную историю Иисуса Христа; в них можно увидеть лишь некие фрагментарные изречения, Ему приписываемые. Некоторые ученые считают, что апокрифические евангелия можно использовать в качестве достоверного источника. Но Церковь на очень раннем этапе эти тексты отвергла, и отвергла небезосновательно: в отличие от четырех Евангелий, которые представляют один и тот же образ Иисуса Христа, хоть и каждое по-разному, апокрифические источники представляют Иисуса совсем другим. По сути, образ, который возникает из них, несовместим с каноническими Евангелиями. Так или иначе, приходится делать выбор, и Церковь его сделала с самого начала в пользу этих четырех Евангелий.

В чем, собственно, уникальность свидетельства евангелистов? Дело в том, что двое из них говорили о том, что видели сами, а двое записали слова ближайшего свидетеля. Евангелист Иоанн, который, помимо Евангелия, написал еще три послания и книгу Апокалипсис, свое первое послание начинает словами: «…о том… что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши… и возвещаем вам» (1Ин. 1. 1). То есть их повествование является свидетельством увиденного. И именно тем оно ценно.

Последующая история этого литературного памятника была историей его толкования. Надо сказать, что толкований Евангелия было очень много и в древнюю эпоху, писать их продолжают и в новую эпоху. Я написал свое толкование Евангелия, правда, оно не мое собственное – толкование основано на древних и современных источниках, с которыми я работал. Книга «Иисус Христос. Жизнь и учение» – это первый том шеститомного труда, который я написал в качестве комментария к Евангелию. Работая над книгой, я, прежде всего, обращался к евангельскому тексту, пытался понять и показать читателю его особенности.

В этом тексте есть тематические пласты, блоки. Например, все евангелисты рассказывают о чудесах Иисуса Христа, и этих чудес в Евангелиях описано очень много. Около 30 полноценных рассказов о них присутствует в евангельском повествовании; кроме того, присутствуют многочисленные упоминания о том, что Иисус совершал чудеса. Эти чудеса были разного рода: исцеления от болезней, изгнания бесов, также описаны три случая воскрешения мертвых. Рассказано несколько случаев, как Иисус демонстрировал Свою власть над природой. Например,

говорится о том, что лодка, на которой находился Иисус Христос с учениками, оказалась посреди шторма на Галилейском озере. Иисус спал на корме, потому что устал. Ученики же бодрствовали, они испугались шторма и начали будить Учителя – Иисус проснулся, запретил ветру, и на море установилась великая тишина.

Кто-то может сказать, что чудес не бывает. Существует целое философское направление, которое доказывает, что их просто не может быть. Так, например, упомянутый мной Иммануил Кант говорил, что если в древние времена правительства дозволяли существование чудес, то в наше время мудрые руководители уже этого не дозволяют – будто чудеса или их отсутствие зависели от дозволения или не дозволения правительств! Философ Спиноза говорил, что чуда не может быть, потому что оно противоречило бы Божественным законам: если Творец создал мир и установил в нем определенные законы, а чудо является их нарушением, то это значит, что Бог противоречит Сам Себе или создал некий несовершенный мир. А значит, считал Спиноза, чудес не бывает и быть не может.

Это направление было очень модным в XIX веке, да и сейчас многие считают, будто чудес не бывает, что заставляет их видеть в евангельских повествованиях о чудесных событиях некую недостоверную информацию. Но если это так, то вы должны отбросить примерно треть евангельского текста как недостоверное свидетельство!

В западной новозаветной науке существует научный конструкт «Иисус минус чудеса», то есть подразумевается, что в тексте Евангелий все достоверно, но чудеса недостоверны. Однако если вы выкидываете из Евангелия чудеса, то уже никогда не получите достоверный образ Иисуса Христа. Вы создадите некую искусственную модель вроде тех, создаются многими учеными на основе тенденциозного или частичного прочтения евангельского текста.

Еще один очень существенный пласт евангельских повествований – это притчи. Евангелие содержит не менее тридцати притч. Причем разные ученые называют разное их количество, потому что речь Иисуса Христа была очень образной, яркой, и есть выражения, которые одни ученые считают притчами, а другие – нет. Как бы то ни было, около трех десятков коротких рассказов в Евангелиях – притчи. И при чтении этих текстов у нас возникает вопрос: почему Иисус Христос избрал такую форму общения с людьми? Почему Он Свои истины преподавал в форме притч? Существуют разные теории. Одни говорят, что Иисус говорил притчами, потому что хотел облегчить людям восприятие Своего учения. Это основывается на словах Иисуса Христа, которые приводит евангелист Матфей: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Мф. 13. 13). Но есть другая версия того же изречения в Евангелии от Марка: «А тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют» (Мк. 4. 11-12). То есть если в первом примере шла речь о

том, что Христос говорит притчами, дабы облегчить людям восприятие, то из второго получается, что Он делает это, чтобы восприятие им затруднить. В зависимости от того, какую парадигму толкования мы принимаем, мы по-разному воспринимаем притчи.

Но что такое притча? Это некий рассказ. Например, есть очень известная притча о блудном сыне, на нее существует множество живописных произведений, в их числе – картина Рембрандта «Возвращение блудного сына». Созданы музыкальные произведения, например, балет Прокофьева «Блудный сын», и так далее. В их основе – известный сюжет притчи о том, как у одного человека было два сына, один из них решил получить свою долю наследства, не дожидаясь, пока отец умрет. Потом он пошел в далекую страну, где промотал наследство. Впоследствии, испытывая лишения и голод, блудный сын решил вернуться к своему родителю. Можно было бы ожидать, что он увидит сурового отца, который скажет: «Ты сам наказан за свое непослушание». Но этого не происходит – мы видим, что отец бросается на шею сыну, дает ему перстень, то есть символ сыновнего достоинства, устраивает в честь него пир.

Одна и та же притча может толковаться очень по-разному. Древние христианские толкователи говорили о том, что в этой притче Христос говорит о том, как Бог относится к человеку. Смысл ее заключается в том, что Бог всегда любит человека, даже если человек оказывается неверен Ему, если, получая от Бога таланты, растрачивает их, если тратит без пользы дарованную ему жизнь. Человеку никогда не поздно покаяться и вернуться к Богу, и любого, кто возвращается к Нему, Господь ждет и принимает с распростертыми объятьями.

Это церковное толкование, но есть и другие. Например, некоторые ученые говорят, что все эти притчи просто отображают некие реальности палестинской жизни времен земной жизни Христа – мол, Иисус просто рассказал историю некой знакомой Ему семьи, и только так надо понимать эту притчу. Но в таком случае возникает вопрос: а в чем, собственно, смысл притчи? Тогда это уже не притча, а просто некий рассказ. И для чего тогда этот рассказ был Иисусом произнесен?

Каждая из евангельских притч может, во-первых, по-разному толковаться, а, во-вторых, по-разному пониматься. Более того, один и тот же человек одну и ту же притчу может по-разному понять на разном этапе своего развития. И, в конце концов, читая эти притчи, вы приходите к понимаю того, что нет единого ключа к ним всем вместе взятым или к каждой в отдельности.

Вот вы приходите в картинную галерею, видите там живописное полотно, допустим, «Охотники на снегу» Брейгеля. Вы встаете перед этой картиной, и каждый видит на ней что-то свое. И вы не задаете себе вопросы: а почему художник вот это написал? что он имел ввиду? какое значение этой картины? почему здесь собаки на первом плане? почему у охотников ружья такие, а не другие? Вас не это интересует – вы стоите перед этой картиной, и она вам что-то раскрывает,

причем каждому – свое. Спустя двадцать лет вы посещаете ту же самую картинную галерею, подходите к этой картине, и она вновь вас потрясает, открывает вам что-то совершенно новое. Вот так и притчи. Потому Христос и говорил притчами, что они способны каждому человеку донести некое послание, причем это послание доносится через века. Двадцать веков спустя каждый человек может услышать голос Иисуса Христа в этой притче и услышать через нее то, что Иисус лично к этому человеку обращает.

Надо сказать, что аналогов такого рода проповеди в истории не было. Если вы попытаетесь сравнить Евангелие с каким-то другим литературным произведением, то увидите, что ни одно из них даже близко не подходит по жанру к Евангелиям. Более того, само слово «Евангелие» используется для обозначения жанра, в котором написаны эти четыре произведения. А больше в этом жанре не написано ничего.

Личность Иисуса Христа, которая раскрывается из евангельских повествований, не имела никого и ничего равного в истории. Давайте задумаемся о том, какое влияние оказал Христос на историю человечества. Посмотрим, сколько книг о Нем написано, – есть ли хоть один исторический персонаж, о котором написана хотя бы одна сотая того, что написано об Иисусе? Нет. А сколько посвящено Ему живописных изображений, икон, музыкальных произведений? Сколько храмов разных конфессий по всему миру посвящено Иисусу Христу? А сколько за две тысячи лет существования христианства было произнесено проповедей о Нем? Это продолжается и сейчас: в одной только Русской Церкви насчитывается 35 тысяч храмов, и в каждом из них за воскресной Литургией священник проповедует об Иисусе Христе. Он берет Евангелие, открывает, читает отрывок и его комментирует. Есть ли какой-нибудь другой персонаж, который оказал бы такое влияние?

Каждое Евангелие завершается рассказом о суде над Иисусом, о Его смерти на Кресте и о Его воскресении. И вот мы видим живописное изображение Христа, распятого на Кресте, повсюду – в любом храме во множестве оно присутствует, верующие носят крест на теле, священники носят крест на груди. Крест стал универсальным символом христианства, символом надежды и веры для миллионов людей.

Но почему этот Крест оказал такое влияние, ведь было в истории много людей, которых распинали на крестах? Когда разгромили восстание Спартака, 6 тысяч человек были распяты, и кресты эти выставили вдоль Аппиевой дороги, которая ведет из Рима. Там умирали такой же мучительной смертью, как и Иисус Христос, тысячи людей, почему же ни одна из этих смертей не оказала хоть какого-нибудь влияния на человечество? Почему ни один из этих крестов не может быть сравним с Крестом Господа Иисуса Христа? А разве не было в истории человечества людей, которые были неправедно осуждены, как и Иисус Христос? Разве не было ужасных смертей вследствие

судебной ошибки или чьего-то коварства? Все это встречалось в разные века, но ни одна такая смерть не имела хоть сколь-нибудь похожего влияния на человечество. Значит, в истории смерти и воскресения Христа было что-то особое.

И евангелисты дают нам ответ. Они говорят, что Иисус Христос не был простым человеком – Он Бог, Который стал человеком. Наиболее явно об этом говорит четвертое Евангелие, от Иоанна. Оно начинается так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1. 1). Под этим Словом понимается Тот самый Иисус Христос, Который стал воплотившимся Богом. То есть отправной точкой для евангелиста Иоанна является то, что Иисус Христос – воплотившийся Бог, и на протяжении всего своего Евангелия он это доказывает.

Апостол Иоанн начинает с этого утверждения, потом показывает, как Иисус, будучи человеком, являл Божественные свойства и Божественные силы. Он раскрывает этот образ на материале различных эпизодов жизни Христа и Его изречений. Затем Иоанн рассказывает ту же самую историю страстей, которую рассказывают три других евангелиста, ту же историю воскресения, которую мы читаем в других Евангелиях. А далее он повествует о том, чего у других евангелистов нет: как один из учеников, который отсутствовал при первом явлении воскресшего Христа ученикам, сказал: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20. 25). И спустя восемь дней воскресший Христос является ученикам, на этот раз и отсутствовавший прежде Фома находится на месте, и Иисус Христос говорит тому: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20. 27). И тогда Фома произносит слова, которые являются ключевыми для этого четвертого Евангелия: «Господь мой и Бог мой». Это первый символ веры, который был произнесен человеком, уверовавшим в воскресение Христа. Фома осознал в тот момент, что Иисус Христос – не просто человек, но Господь и Бог.

Для трех других евангелистов исходной позицией является человеческая история Христа. «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова» – так начинает повествование Матфей, тем самым возводя родословную Спасителя к конкретным персонажам еврейской истории – царю Давиду и Аврааму. Но и эти евангелисты тоже, каждый по-своему, показывают, что Иисус был не обычным человеком, не просто пророком и учителем нравственности, а Воплотившимся Богом.

Евангелие можно сравнить с сокровищем, которое лежит в сейфе, запертым на два замка, и если у вас есть только один ключ, вы сейф не откроете. Для того, чтобы в полной мере понять евангельский текст, осознать его значимость и значимость личности Иисуса Христа, нужно использовать два ключа. Первый – это понимание того, что Иисус Христос был абсолютно

реальным живым человеком, как мы с вами. Он ел и пил, уставал и спал, радовался и гневался, скорбел и плакал, страдал и испытывал физическую боль – все это описано в Евангелиях. С другой стороны (и это второй ключ) Он был не просто человеком – Он Бог, Который добровольно воспринял на Себя человеческую плоть.

Именно в этом заключается смысл страданий, которые Он претерпел. Иисус Христос страдал как человек, Его страдания были не меньше, чем страдания любого другого, кто умирал бы такой же смертью. Он страдал не меньше, чем те шесть тысяч, которые были распяты вдоль Аппиевой дороги. Но это страдание Христа было добровольным: Он как Бог стал человеком, Он пришел в эту жизнь для того, чтобы умереть за людей и открыть им путь к вечной жизни.

Здесь уже вступает в свои права богословское осмысление Евангелия. Богословы говорят о том, почему смерть Христа имела искупительный смысл для людей, и каким образом люди могут участвовать в плодах Его искупительной смерти. Об этом в Евангелии не упоминается – о том говорит апостол Павел, чьи послания также вошли в корпус Нового Завета; а затем на протяжении веков, вплоть до настоящего времени, о том же говорила и говорит Церковь устами своих проповедников и богословов.

Можно верить или не верить в то, что Иисус Христос был Воплотившимся Богом. Но если вы в это не верите, то никогда не сможете оценить значимость евангельского текста. И вы никогда не сможете понять, почему этот текст оказал такое колоссальное влияние на всю историю человечества. Если Иисус не был воплотившимся Богом, то в Его истории нет ничего особенного. В конце концов, Его поучения интересны, красивы, убедительны, но ведь многие философы тоже говорили разные полезные вещи. Более того, в том, что Он говорил, есть много параллелей с тем, что произносили другие. Опять же, если история Его смерти на Кресте является одной из многих подобных человеческих смертей, то почему она оказала такое влияние на историю? Почему к этому Кресту подходят миллионы людей, его целуют, перед ним кланяются, плачут, молятся? Значит, есть что-то особое в этом Кресте.

Если мы рассматриваем Евангелия как свидетельства, то единственная для нас возможность их по-настоящему оценить – это подходить к евангельскому тексту с доверием. Если мы не доверяем свидетелям, лучше нам их не слушать. Ведь если б следователь пытался расследовать некое дорожное происшествие, но заведомо объявил показания свидетелей недостоверными, он ничего бы не выяснил. Значит, доверие к евангельскому повествованию есть предпосылка к тому, чтобы его по-настоящему понять, а поскольку он говорит об Иисусе Христе как Боге и человеке, соответственно, только таким образом этот текст и раскрывается.

Я начал с того, что Евангелие является объектом научного исследования, и попытался вам

показать, в какую сторону это исследование может идти, а где имеются подводные камни. Думаю, что самым надежным руководством для понимания евангельского текста является сам евангельский текст. Как только вы принимаете это повествование как достоверное свидетельство, как только вы воспринимаете текст Евангелия в его целокупности и начинаете читать и осваивать его шаг за шагом, вам раскрывается Тот же Самый Христос, Который раскрыл Себя Своим ученикам.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49151/